

В МИРЕ

Кузница кадров. Как Иран и Россия сотрудничают в области двойных технологий

Расследовательский проект «Система»

менее минуты назад

 Сделай приоритетным в Google

Россия уже почти четыре десятилетия дает образование и помогает старту научной карьеры иранских специалистов в областях, связанных с военной промышленностью. В конце 90-х из-за этого несколько российских технических вузов даже надолго попали под санкции США.

Анализ «Системы» по открытым публикациям показал, что и в последнее десятилетие между Россией и Ираном было налажено сотрудничество по темам, особенно актуальным для иранской военной промышленности. Теперь это не

только такие классические направления, как ракетные двигатели и обогащение урана, но и технологии, ставшие реалиями современной войны — радиоэлектронная борьба, GPS-спуфинг, искусственный интеллект в беспилотниках.

Студентов из Ирана становится больше

В 1998 году Иран произвел первое испытание баллистической ракеты «Шахаб-3». Ракета была разработана и построена в Иране — на основе технической документации ¹ северокорейской ракеты, которая, в свою очередь, была адаптацией советской ракеты «Р-17». В Соединенных Штатах сочли, что Россия помогла Ирану в ракетной программе — не только поставкой оборудования и компонентов, но и обучая специалистов для иранской промышленности и исследовательских центров.

Ракета Shahab-3 и портрет аятоллы Хаменеи в Иране

В начале 1999 года США ввели санкции против ряда российских предприятий, научных организаций и университетов — их заподозрили в помощи Ирану в ракетной и ядерной областях. Некоторые из этих организаций обвинили в поставке оборудования, материалов и технологий. Но в санкционный список вошли и три российских вуза — Московский авиационный институт (МАИ), Балтийский государственный технический университет (Военмех) и Российский химико-технологический университет им. Менделеева (РХТУ) — за обучение

студентов из Ирана. По данным отчета, подготовленного Институтом международных исследований Миддлбери в Монтерее, во второй половине 1990-х многочисленные российские организации участвовали в ракетной программе Ирана, в том числе, помогали создавать двигатель для «Шахаб-3».

Сложно сказать, насколько существенным был вклад обучения специалистов в России в иранскую ракетную программу. «Можно заявить, что закон Ньютона мы им читали, потому что без него же ракету не спроектируешь. Ты можешь спроектировать ракету, если знаешь закон Ньютона. Вот на каком уровне это происходит», — сетовал бывший ректор «Военмеха» Юрий Савельев, говоря о введенных в отношении его вуза санкциях. Но ограничения были сняты нескоро, администрация президента США Барака Обамы сделала это только в 2010 году — через три дня после того, как Россия и США договорились о содержании нового совместного пакета санкций против Ирана.

Вторая половина 2000-х и начало 2010-х в целом были периодом снижения уровня военного сотрудничества России и Ирана. Но после возвращения Владимира Путина в президентское кресло и аннексии Крыма Россия и Иран заключили в начале 2015 года новое соглашение о военном сотрудничестве. В том же году МАИ, ранее попадавший под санкции за обучение иранцев, договорился о совместной работе с иранским Ширазским университетом, а год спустя Московский авиационный институт посетила делегация Министерства науки Ирана. В 2018 году учащиеся МАИ из Ирана уже были в составе группы иностранных студентов, прошедших практику на оборонном предприятии «Вымпел», производящем авиационное ракетное вооружение.

Владимир Путин на саммите в Тегеране, июль 2022 года

С Ираном сотрудничают и другие российские университеты, тесно связанные с оборонной промышленностью. Например, МГТУ имени Баумана имеет давние связи с Технологическим университетом имени Шарифа — в рамках обучения на кафедрах «Машиностроительные технологии» и «Информатика, искусственный интеллект и системы управления». В 2024 году «Бауманка» подписала соглашение с Ростехом о подготовке иностранных студентов, в том числе из Ирана, в интересах оборонной промышленности. Подобные соглашения с иранскими организациями есть и у других российских технических университетов.

Уровень научного и студенческого сотрудничества между Россией и Ираном в последние годы только нарастает — этим любят хвастаться российские официальные лица. По данным Минобрнауки, в 2025 году в российских вузах обучалось почти 10 тысяч студентов из Ирана — на 42 процента больше, чем двумя годами ранее. И хотя наиболее популярное направление обучения — медицина, усиливается и сотрудничество Ирана с российскими техническими университетами.

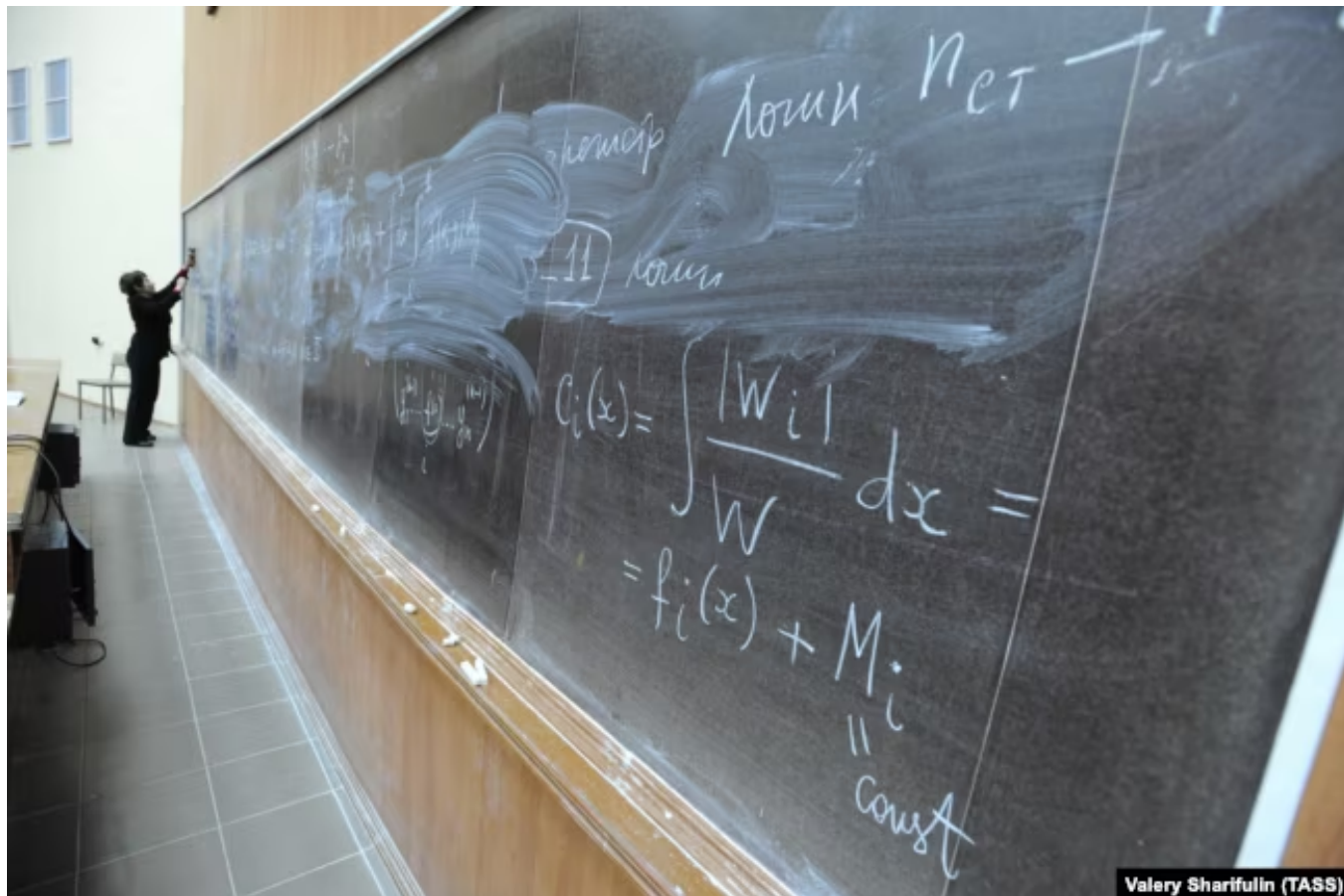
Это заметно в том числе по публикационной активности. Совместные публикации российских ученых с иранскими исторически занимают небольшую долю в сравнении с партнерством с европейскими или американскими соавторами. Но в некоторых технических вузах ситуация стала меняться после начала

полномасштабной войны России против Украины. Так, например, согласно подсчету «Системы» число работ, выпущенных в петербургском Университете ИТМО в 2025 году с иранскими и немецкими исследователями практически сравнялось, хотя до начала полномасштабного вторжения в Украину Германия была одним из ключевых научных партнеров и в Петербурге.

Само по себе увеличение совместной публикационной активности между российскими и иранскими техническими университетами не указывает на непосредственный вклад российских организаций в военную программу Ирана. Но изучив несколько сотен российско-иранских научных работ, опубликованных в последние 10 лет, «Система» обнаружила ряд случаев, когда иранские специалисты работали в России над проектами, тесно связанными с военной тематикой или при участии организаций, входящих в структуру военной промышленности. Вернувшись на родину, эти люди продолжили работать в организациях, связанных с армией Ирана и Корпусом стражей исламской революции (КСИР). В других случаях темы научных работ сами по себе тесно связаны с наиболее актуальными направлениями развития иранской военной промышленности.

| Газотурбинные двигатели для ракет и дронов

Сотрудничество между Россией и Ираном в области ракетостроения началось еще в 1990-е годы, когда российские институты и предприятия помогали Ирану с разработкой первой собственной баллистической ракеты. В начале сентября 2026 года издание Financial Times со ссылкой на утекшую переписку и патенты [рассказало](#) о секретном проекте помощи России Ирану в создании прямоточно-воздушной двигательной установки для сверхзвуковых крылатых ракет. По данным журналистов, проект, в котором с российской стороны участвовало «НПО Машиностроения», был запущен не позднее 2023 года, в итоге установка была успешно испытана в Иране, но пока на ее основе, судя по всему, построить сверхзвуковую ракету не удалось.

Valery Sharifulin (TASS)

Лекция в МАИ, 2021 год

Анализируя открытые публикации, «Система» обнаружила, что иранские исследователи сотрудничают с российскими организациями, в том числе входящими в военно-промышленный комплекс, и в области газотурбинных двигателей, которые используются в дронах и крылатых ракетах дозвукового класса.

В 2000 году иранский инженер Али Мохаммад Амуи завершил учебу в аспирантуре Московского технологического университета МАТИ (позже стал частью МАИ), где он изучал газотурбинные двигатели. После учебы в России он вернулся в Иран. Судя по странице Амуи в LinkedIn, за двадцать лет он дорос до позиции топ-менеджера в авиационной отрасли. С 2017 по 2022 год он занимал должность заместителя генерального директора по торговле и международным связям в Farsco Aviation MRO center.

Farsco подчеркивает свою коммерческую гражданскую специализацию, однако по данным иранской платформы проверки юрлиц [Rasmio](#) , в акционерах Farsco — Организация авиационной промышленности Ирана (в ведомстве минобороны) и, например, Mahan Air, находящаяся под санкциями США с 2011 года за связь с Корпусом стражей исламской революции и санкциями Евросоюза — за причастность к переброске иранских ракет и БПЛА в Россию для войны в Украине.

В 2020 году Минторг США включил саму Farsco в санкционный список, указав, что компания была причастна к схеме незаконной закупки вертолетов Bell 412 в обход экспортного контроля США.

Самолеты Mahan Airlines

Уйдя работать на государство, Амуи не оборвал связь с наукой в целом и российской академической сферой в частности — он продолжил работать в области металлургии и материалов для газотурбинных двигателей. В 2016 году Амуи вместе с еще двумя иранскими учеными и сотрудником МАИ стал автором работы о методах нанесения защитного покрытия на турбинные лопатки.

В 2021 году Амуи поучаствовал в написании еще одной работы, посвященной двигателям. В качестве аффилиации на этот раз у него был указан Комплекс материалов и технологий производства Технологического университета Малека Аштара. Этот университет подчиняется Центру исследований оборонных технологий и науки и Министерству обороны Ирана. В 2025 году один из его кампусов бомбила израильская армия, как и армия США, связывающая его с ядерной программой Ирана. По данным американского проекта Iran Watch, преподаватели этого университета ведут исследования по ракетной и ядерной тематике.

Публикация 2021 года посвящена упрочению титановых деталей авиадвигателей. В соавторах — завкафедрой «Технология производства и эксплуатации двигателей летательных аппаратов» Алексей Бойцов, а также начальник сектора «Анализ конструкций малоразмерных ГТД» российского Института авиационного

моторостроения Святослав Ремчуков. Бойцов также консультирует «Ростех» и «Роскосмос» по «проблемам технического и технологического развития ракетно-космической отрасли и экспериментально-испытательной базы». Кафедра Бойцова в МАИ не раз принимала студентов из Ирана — Амуи был не единственным иранским исследователем, сотрудничавшим с ей. В списке соавторов Бойцова и исследователей, чьим научным руководителем был Бойцов, еще как минимум четыре иранских имени.

Хотя Иран обладает компетенциями в ремонте авиационных газотурбинных двигателей (ГТД) и производстве их отдельных частей, полноценное серийное производство двигателей для в стране очень ограничено. В 2020 году сообщалось о запуске производственной линии для легкого ГТД Owj — копии американского двигателя J85 производства General Electric. Этот двигатель используется на иранских истребителях Koswar. Но основная компетенция Ирана в двигателях этого типа — именно линейка малоразмерных ГТД для крылатых ракет и дронов. О производстве гражданских авиационных газотурбинных двигателей в Иране ничего не сообщалось.

Производство гражданского авиационного ГТД, Россия

Один из соавторов Амуи — выпускник Московского технического университета гражданской авиации (МГТУ ГА) Саадатибаи Мехди. Он также изучал технологию

защитных покрытий турбинных лопаток ГТД и, кроме сотрудничества с Амуи, публиковался в соавторстве с главным металлургом Лыткаринского машиностроительного завода («Ростех»), против которого с 2022 года последовательно вводили санкции США и страны ЕС.

На этом заводе в 2013 году проводили испытания двигателя «117С» для первого вылета Су-35, а в 2016 году там прошел первый наземный запуск двигателя для российского истребителя Су-57. В целом Лыткаринский завод — ключевая база испытаний и доводки российских авиационных ГТД.

В 2015 году Мехди также стал соавтором статьи о защитных покрытиях лопаток турбин газотурбинных двигателей в соавторстве с ведущим специалистом рыбинского «НПО Сатурн» (сейчас оно называется «ОДК-Сатурн»). В статье упоминается, что у соавторов был доступ к производственным данным «Сатурна» в течение четырех лет — с 2011 по 2014 годы. «Сатурн» — ключевой производитель газотурбинных двигателей в России, как для военной авиации, так и, по данным украинской разведки, для российских крылатых ракет.

| ГЛОНАСС для ракет и радиоэлектронная борьба

По данным израильских военных, Россия передает Ирану технологии радиоэлектронной борьбы. В частности, иранская система РЭБ Cobra V8 предположительно является переработкой российской «Красуха-4». «Система» обнаружила, что Иран тесно сотрудничает с Россией и в области подавления и подделки GPS-сигналов (GPS-спуфинга) — технологии, которую Иран эффективно применяет для защиты от атак ракет и дронов, а также для осложнения навигации самолетов и кораблей противника с начала 2010-х.

Российский комплекс РЭБ «Красуха-4С»

С начала войны между Израилем, США и Ираном в 2025 году Персидский залив стал главной зоной применения средств радиоэлектронного подавления в мире. В первые дни конфликта GPS-сигналы глушились и подделывались массово, в результате чего более тысячи судов теряли ориентацию, а их навигационные системы показывали, что корабли находятся посреди суши.

Один из наиболее продуктивных исследователей Ирана в области GPS-спуфинга — Мохаммад-Реза Мосави, профессор факультета электрического инжиниринга иранского Научно-технологического университета и главный редактор журнала, издаваемого военно-морской академией Ирана. В его портфолио — около 30 статей про GPS-спуфинг, и он тоже сотрудничал с Россией.

В 2016 году Мосави публиковался со Степаном Шафраном — руководителем Центра наноспутниковых технологий Самарского университета. Этот центр курирует инженерный трек проекта «СамСат Королевец», в рамках которого студенты создают наноспутник. Один из его партнеров — Специальный технологический центр — компания, которая производит в том числе современные российские дроны Орлан-10. США ввели санкции против компании еще в 2016 году за помощь ГРУ с радиоэлектронной разведкой.

БПЛА «Орлан-10»

В 2015 году аспирант Мосави в Научно-технологическом университете Амир Табатабаи отправился для окончания обучения в Самару, где работал в лаборатории, открытой известным датским специалистом по спутниковой навигации Каем Борре (он умер в 2017 году). Изначальным интересом Табатабаи был ГЛОНАСС — российская система спутникового позиционирования, которую Иран использует в том числе для улучшения точности своих баллистических ракет.

Судя по публикациям, еще до приезда в Самару в лаборатории Мосави и Табатабаи в Тегеране уже был рабочий исследовательский ГЛОНАСС-приемник, а в 2014 году они опубликовали совместную статью о расчете ухудшения точности для ГЛОНАСС с помощью нейросетей. Работая с ГЛОНАСС, авторы не скрывали двойное назначение системы — в статье есть пометка о том, что российская система обслуживает «как гражданских, так и военных пользователей».

В 2016 Табатабаи и Мосави впервые обратились к теме GPS-спуфинга, выпустив работу в издании оборонного российского концерна ЦНИИ «Электроприбор», который разрабатывает системы навигации для ВМФ. Для этой публикации они предложили алгоритм обнаружения спуфинг-атак на GPS и сконструировали искусственный поддельный сигнал для проверки метода.

После стажировки Табатабаи остался в Самаре преподавать, а в 2018 году, еще продолжая числиться старшим научным сотрудником российского университета,

устроился в австрийскую компанию, которая продает симуляторы искусственных jamming/spoofing атак, в том числе для оборонных организаций. В том же году в Иране была опубликована монография Табатабаи, посвященная системе ГЛОНАСС.

Один из спутников системы ГЛОНАСС, 2011 год

Табатабаи — не единственный иранский специалист из научной группы Мосави, работавший с Самарским национальным университетом. Фактически, речь идет о целом кластере сотрудничества иранских ученых с лабораторией Кая Борре в Самаре. Помимо Табатабаи, в самарской лаборатории работал еще как минимум один иранский студент, Шервин Бехзад Фар. В этом же кластере участвовала Зайнаб Кухи, а также профессор и глава отдела по международному сотрудничеству Научно-технологического университета в Тегеране Хади Шахриар Шаххосейни. «Системе» удалось найти в LinkedIn несколько профилей других иранских студентов, обучавшихся в Самарском аэрокосмическом университете в тот же период.

В последние годы сотрудничество Ирана с Самарским университетом развивается. В 2023 году вуз посетила делегация Иранского космического агентства. Гостей заинтересовали образовательные программы в области спутниковой навигации и наноспутниковых технологий — как раз по этим направлениям с Самарой ранее сотрудничала научная группа Мосави.

Центрифуги для обогащения урана и защита от радаров

С начала 1990-х Россия активно вовлечена в атомную энергетику Ирана. Изначально российские специалисты достраивали заложенный еще в 1975 году первый энергоблок АЭС в Бушере, а с 2014 года возводят второй энергоблок этой станции. Сотрудничество России и Ирана в области «мирного атома» открыто происходит на разных уровнях — от правительственного до научного, где особенно активно работает с иранскими специалистами Курчатовский институт. При этом на официальном уровне Россия никогда не поддерживала оружейную ядерную программу Ирана и была стороной так называемой ядерной сделки 2015 года.

«Нет доказательств, что Россия напрямую помогает Ирану в сферах, связанных с производством ядерного оружия. Скорее, российская поддержка высокого уровня латентного ядерного потенциала Ирана проявлялась в дипломатической форме», — говорится в аналитическом докладе Института международных исследований Миддлбери в Монтерее.

Один из реакторов АЭС в Бушере

Российские и иранские ученые регулярно выпускают совместные работы по ядерной физике. В большинстве случаев они имеют сугубо фундаментальный характер, иногда явно относятся к тематике атомной энергетики, но есть и примеры работ в пограничных областях с потенциально двойными, гражданскими и военными приложениями, например, касающиеся газовых

центрифуг. МАГАТЭ фиксировало использование каскадов газовых центрифуг в Иране для обогащения урана до 60 процентов по содержанию изотопа U-235. Это еще не уран оружейного качества, но достижение уровня 60 процентов обогащения вызвало серьезную озабоченность в МАГАТЭ. Иранские центрифуги неоднократно становились целью кибер-, диверсионных и ракетных атак.

С 2015 года в СПбГУ учился аспирант из Ирана Мохаммад Хосейнпур Ханмири. Его соавтором был на тот момент ведущий научный сотрудник петербургского университета Роман Богданов.

Вместе они отрабатывали метод измерения соотношений изотопов урана и тория в геологических образцах природных минералов. В серии публикаций по этой теме помимо Ханмири и Богданова, участвовали российские физики ПИЯФ (Петербургский институт ядерной физики, входит в структуру Курчатовского института) и иранские специалисты Мохаммад Самадфам и Мохаммад Оутокеш.

К 2022 году Ханмири самостоятельно применил метод, разработанный с Богдановым, к руде Сагенда — иранского уранового месторождения, откуда ураносодержащие материалы идут для дальнейшей переработки на завод в Ардакане. Текущая аффилиация Ханмири — Организация по атомной энергии Ирана, которая контролирует объекты ядерной энергетики в стране.

Другие иранские соавторы Богданова, Мохаммад Самадфам и Мохаммад Оутокеш, на протяжении многих лет изучали возможность восстановления урана из отходов конверсионного завода в Исфахане. Оутокеш при этом тестировал параметры газовой центрифуги. Одну из работ по этой теме Оутокеш написал с Джавадом Карими-Сабетом — это одна из центральных фигур иранской центрифужной программы.

Карими-Сабет — заместитель главы Организации по атомной энергии Ирана, специализирующийся в том числе на обогащении урана. В 2006 году тогдашний президент Ирана Махмуд Ахмадинежад лично отметил его за планирование, строительство и эксплуатацию ядерного оборудования на обогатительном объекте Натанз, включая разработку «нового поколения центрифуг». На Карими-Сабета наложены американские и европейские санкции как на человека, причастного к чувствительной ядерной деятельности Ирана.

Президент Ирана Махмуд Ахмадинежад представляет третье поколение газовых центрифуг, 2010 год

В 2025 году иранского физика Азама Рахматинежада, работающего старшим научным сотрудником в российском Объединенном институте ядерных исследований, номинировали на внутреннюю премию — за расчеты, описывающие, как распределяется угловой момент между осколками при делении ядра. В этом институте в Дубне — в Лаборатории теоретической физики им. Боголюбова — Рахматинежад проработал к тому времени уже как минимум четыре года.

Еще в Иране, а затем несколько лет параллельно с работой в Дубне, Рахматинежад занимался исследованиями с Рухоллой Разави — профессором ядерной физики Университета им. имама Хусейна — вуза, который контролируется КСИР.

С 2009 по 2018 год вместе они опубликовали не менее семи научных статей по реакторной физике. Эти работы сами по себе не связаны с оружейной тематикой, но фигура Разави примечательна. С 2019 года он опубликовал несколько статей о снижении радиолокационной заметности с помощью радиоактивных материалов, в том числе, в научном журнале Университета им. Имама Хусейна. В частности, Разави рассчитывал, насколько снизится радиозаметность на разных высотах и частотах, которые используют радары ПВО, плоской пластины, шара и цилиндра.

Есть и примеры, когда российские и иранские ученые сотрудничали в областях ядерной физики, имеющих прямое военное применение, хотя и не относящееся к ядерному оружию.

В 2022 году физик из Томского политехнического университета Сергей Беденко и исследователи Нима Гал-Э и Файезе Рахмани из Мешхедского университета имени Фирдоуси опубликовали статью о системе обнаружения мин с помощью источника нейтронного излучения. Прибор рассчитан на установку в бронированный грузовик, с бронеавтомобилем сопровождения для перевозки капсул с радиоактивными материалами.

ИИ для беспилотных аппаратов

В докладе Института международных исследований Миддлбери в Монтерее отмечается, что Иран может быть заинтересован в российском опыте и технологиях использования элементов искусственного интеллекта для управления БПЛА, баллистическими и крылатыми ракетами. Иранские власти прямо заявляли об интересе к использованию ИИ-технологий для создания летательных и морских беспилотников, способных работать в составе роя, разработке систем донаведения и распознавания целей.

Российские адаптации иранских дронов типа «Шахед»

Одним из важных российских исследовательских центров по применению ИИ в БПЛА является московский МГТУ им. Баумана. Университет управляет центром компетенций по тематике БПЛА в индустриальном парке «Руднево». В 2026 году в «Бауманке» вышла монография «Гибридные алгоритмы компьютерного зрения для прецизионного автономного управления БПЛА», в которой упоминаются такие типичные для военных дронов технологии, как система автоматического захвата и удержания цели.

Сотрудники МГТУ им. Баумана публикуют работы и по автономной ИИ-навигации — как **БПЛА**, так и **наземных** роботов. Один из авторов **работы** по автономной навигации для БПЛА Мария Скворцова **работает и преподает** на факультете «Информатики, искусственного интеллекта и систем управления» МГТУ — том самом, который в 2024 году **посещал** в связи с обучающимися на факультете иранскими студентами замминистра науки, исследований и технологий Ирана Омид Резаи Фар.

МГТУ имени Баумана в Москве, 2025 год

Тот факт, что «Бауманка» готовит иранских специалистов по ИИ-робототехнике, использовала даже российская пропаганда. В 2014 году, спустя два года после получения степени магистра в иранском Научно-технологическом университете, исследователь Сеид Хасан Забихифар поступил в аспирантуру МГТУ им. Баумана. Там он проучился четыре года под руководством профессора Аркадия Ющенко. Вместе они **изучали** алгоритмы адаптивного нейроуправления на маятниковых моделях — это метод управления нелинейными неустойчивыми системами, применимый в том числе в беспилотных аппаратах разных типов.

Одновременно с учебой в «Бауманке» вместе с коллегами из своей иранской альма-матер Забихифар **разрабатывал** алгоритм управления для необитаемого подводного аппарата. Аналогичные автономные роботы используются как в гражданской океанографии, так и для военных задач, например, разведки.

После учебы в Бауманке Забихифар не сразу вернулся в Иран — сначала два с половиной года он проработал в Сколтехе, затем устроился инженером в Центр робототехники Сбера, где переключился на компьютерное зрение и методы глубокого обучения для захвата объектов.

В 2021 году иранская версия пропагандистского издания «Спутник» опубликовала интервью с Забихифаром с заголовком «Молодой иранец добился успеха в России благодаря достижениям в области робототехники». В этом интервью иранский исследователь объяснил свой выбор поехать учиться в Россию «благоприятными отношениями между правительствами Ирана и России по сравнению с западными странами», а также назвал «несправедливыми» международные санкции против Ирана, отметив, что они привели к заморозке иранских активов за рубежом, из-за чего усложнились условия для закупки необходимых компонентов для развития робототехники.

В 2023 году Забихифар вернулся в Иран, где теперь работает доцентом Научно-технологического университета. У «Системы» нет сведений, указывающих на работу Забихифара в интересах военной промышленности Ирана.

| Черный список для науки

В 2024 году Московский авиационный институт вновь попал под американские санкции — на этот раз, не за помощь ракетной программе Ирана, а за подготовку кадров для российской военной промышленности на фоне войны в Украине. Под санкции США и ЕС попали по аналогичным причинам и другие российские университеты, в том числе, МГТУ им. Баумана. В июле 2025 года МАИ, «Бауманка», Курчатовский институт, МФТИ, Сколтех, Томский политех и еще 27 российских университета и НИИ попали и в «черный список» Пентагона.

Россия остаётся одним из основных поставщиков вооружения для Ирана и сама пользуется иранскими технологиями — главным образом применяя адаптированные и улучшенные версии иранских дронов «Шахед» на войне в Украине. Согласно расследованию Financial Times, в последние годы Россия тайно передает Ирану технологию создания сверхзвуковых ракет, причем ключевая фигура этого проекта с российской стороны, заместитель генерального конструктора «НПО Машиностроение» Александр Дергачев, одновременно работает профессором в МАИ.

На фоне обмена готовыми технологическими решениями, российские университеты (как и университеты некоторых других стран) дают образование и карьерный старт иранским исследователям в областях, наиболее актуальных для иранской военной промышленности: двигателях для ракет и дронов, спутниковой

навигации и системах радиоэлектронной борьбы, применении искусственного интеллекта в беспилотных аппаратах.

Даже открытые публикации, собранные «Системой», демонстрируют, что научное сотрудничество в этих областях между Россией и Ираном налажено. При этом у нас не было возможности получить данные о закрытой части работ и выпускниках российских вузов, которые, возвращаясь в Иран, начинают работать непосредственно в военном секторе, прекращая открытую публикационную активность. Вероятно, нынешний рост числа иранских студентов в России даст отложенный эффект в усилении военно-технологических компетенций Ирана, который будет замечен через несколько лет.

«Ни одна из иранских исследовательских программ — особенно с участием аспирантов, выезжающих за рубеж — не является полностью аполитичной. В большинстве случаев у них есть та или иная связь с правительством или скрытые мотивы. То же самое касается и некоторых российских институтов — более технических, таких как Курчатовский институт или университет в Томске», — сказала «Системе» Николь Граевски, доцент университета Sciences Po и автор книги о партнерстве России и Ирана.

По словам Граевски, получить доступ к научной информации в области ядерной физики, а также других чувствительных областях, таких, как ИИ и аэрокосмические технологии — давняя цель для Ирана.

В 2020 году Мохаммад Джавад Зариф, возглавлявший на тот момент МИД Ирана, [заявил](#): «По многим вопросам мы обладаем определенной оборонной самодостаточностью, но по некоторым вопросам у нас есть серьезные потребности в военном сотрудничестве с нашими друзьями в России и другими странами».

«Система» направила запросы в упомянутые российские университеты и иранским исследователям. На момент публикации этого материала мы не получили ответов.

Материал подготовлен при участии Радио Фарда — Иранской службы Радио Свобода.

Расследовательский проект «Система»

Русскоязычный расследовательский проект Настоящего Времени и Радио Свобода, запущенный в 2023 году. «Система» выпускает эксклюзивные материалы на разные темы – от расследований военных преступлений до разоблачения коррупции.

Расследования и эксклюзивы «Системы» в телеграме: [@systemasystema](#).

Вы можете [анонимно поделиться](#) информацией с «Системой».

This item is part of

Политика

В мире

Темы дня

Россия

Наука и технологии